

⁸ См.: Глухов В. М. Указ. раб., с. 120.

⁹ См.: Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка.— Л., 1977, с. 234—235.

¹⁰ См.: Аksamitaў А. С. Беларуская фразеалогія.— Мінск, 1978, с. 141—160.

Т. Г. МИХАЛЬЧУК

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ДИАЛОГИЧЕСКИХ
ФОРМ СОГЛАСИЯ — НЕСОГЛАСИЯ И ИХ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПЬЕСЕ К. А. ТРЕНЕВА
«ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ»

Пьеса К. Тренева «Любовь Яровая» относится к числу художественных произведений послеоктябрьского десятилетия, наиболее ярко отразивших атмосферу Октябрьской революции и давших многоплановую панораму социальнотипичных образов. Каждое действующее лицо пьесы — будь то Швандя или Кошкин, Дунька или Горностаев, Любовь Яровая или крестьянин Пикалов — наделено драматургом объемной речевой характеристикой. К особым достоинствам языка Тренева критика относит, в частности, мастерское построение диалогов, «то драматически напряженных, то сатирически заостренных, в которых действенность всегда сочетается с большой смысловой емкостью»¹, а также искусство речевого контраста в диалоге.

Типичной (опорной) конструкцией категории согласия — несогласия (СН) следует считать диалогическое единство. В построении высказываний согласия — несогласия выделяются три основных способа: 1) повтор чужого высказывания с использованием модального переключателя (частицы *не* или ее функциональных эквивалентов); 2) использование семантически специализированных и синтаксически нечленимых слов-предложений: *да, нет, правда, не так ли, конечно* и т. п.; 3) использование синтаксически свободных высказываний с лексически выраженным согласием — несогласием: *Я согласен, Я не против, Я возражаю, Я не согласен*.

К. А. Тренев использует реальные различия форм согласия — несогласия в целях усиления художественного противопоставления персонажей средствами речи. Например, персонажи из народа пользуются экспрессивно-яркой формой выражения несогласия **первого способа** с модальным оттенком невозможности: Ср.: [Швандя:] Надо, товарищ Роман, сразу же массы поднять! — [Кошкин:] Ну, это ты хватил: поди подыми! (д. IV). [Татьяна:] А Хрущ? Брат? Неужто повесили? — [Кошкин:] (улыбаясь) Повесишь его (д. IV)². Образованные же персонажи используют сходный прием в усложненно-утонченном виде. Подхваченное слово, оборот не просто интонационно отрицается, а еще каламбурно переосмысливается. [Панова:] Вами Дунька сейчас интересовалась. Жулик, говорит, и чей-то сын.— [Елисаатов:] Все мы сыны России, Павла Павловна! [Панова:] Нет, она несколько иначе вашу генеалогию выводит.— [Елисаатов:] Я ее отсюда выведу (д. III). [Закатов:] Позвольте возразить вам в пяти пунктах.— [Горностаева:] Гонят вас во всех пунктах (д. III).

Для народных персонажей характерны формы со специфической окраской народной речи: [Швандя:] Да ты что, опять в пленных ходишь? — [Пикалов:] Кабы в пленных... А то хуже (д. V). [Швандя:] Прикурить нет ли? — [Пикалов:] Как бы было (д. II). Образованные персонажи включают в свою речь неправильные формы в порядке коммуникативной «подстройки» к собеседнику и иронического цитирования: [Дунька:] Тю! Да я вчера по семьсот тысяч брала.— [Елисаатов:] То — вчера. А сегодня... (д. III). [Дунька:] Белые дороги занимают. Надо на Замостье правиться.— [Елисаатов:] Так правьтесь, а то как бы трюмо не повредили (д. III).

Языковое смешение — характерная черта устного языка эпохи. Революционная перестройка общественной жизни усиливает речевой обмен между социальными группами, что академик Л. В. Щерба считал основ-

ной причиной сдвигов в языке³. Языковое развитие в послеоктябрьский период идет по пути все усиливающегося перехода от народно-литературной речи к литературному языку.

В пьесе К. Тренева наблюдается ряд явлений стилистического преобразования народными персонажами (Кошкин, Грозный, Швандя) литературных единиц (форм). Особенно это характерно для речи Шванди. Ср.: [Панова:] Товарищ Швандя! Какой вы интересный! — [Швандя:] Почему так рассчитываете? (д. III). [Швандя:] Тебе, гражданочка, кого? — [Марья:] А родимец вас знает, кого, может, тебя? Чай, комиссар. — [Швандя:] Не, не упольне (д. I). [Панова:] И вы, товарищ Швандя, там были? — [Швандя:] Необходимо был (д. I). Литературно-книжные единицы *рассчитывать*, *необходимо* матрос употребляет в ином оттенке значения, а слово *вполне* — орфоэпически неверно. Стремясь пополнить свою речь элементами литературного языка, Швандя использует формы «господского этикета» как чужеродный элемент речи в юмористическом, пашемшлывом ключе. Например, *«прошу обратно»*.

Явление «коммуникативного переключения» в общем не характерно для людей из народа, язык которых еще не приспособлен для выражения идей и чувств, пробужденных в них революцией, и которые, однако, стремятся на этом недостаточном языке изобразить сложное или новое, терзающее или радующее душу явление⁴. Однако и такое «цитирование» языковых единиц, ощущаемых как чужеродные, характерно как реализация тенденции к усилению единства национального языка на базе его высшей формы — литературного языка.

При повторе чужого высказывания с использованием модального переключателя в речи образованных «господ» обычно наблюдается намеренно полный акцентирующий повтор: [Панова:] Право, вы меня с вашей женой смешиваете. — [Яровой:] Нет, я вас не смешиваю (д. III). Ср. мацнерно-эмоциональный повтор *«о, хочу»* в речи Пановой: [Любовь:] На месте друг друга мы никогда не будем. Но обе мы вдовы, хотите ли, чтобы нас было еще больше? — [Панова:] О, хочу! Уходите вы (д. III). Ср. использование акцентуаторов книжного типа при повторе (*Именно: Я вам говорю*).

В речь представителей простого народа введены **разговорные и просторечные формы второго способа** (слова-предложения): *Никогда; Ясно; Нельзя; Угадал; Очень просто; Где уж! Упольне; Не упольне; Боле некуды*. Ср.: *Подходяще*. Типично использование военно-уставных форм (даже и в невоенном обиходе, как у Шванди): *Есть; Так точно; Слушаюсь*. В речи «господ» наблюдаются литературно-книжные (устно-литературные) приемы **использования нечленимых форм-предложений**: *Да с какой стати; Довольно; Не может быть, Едва ли; Отлично*. Характерны также формулы социально-высокого этикета в позиции СН: *Благодарю; Мерси; Извольте; Будьте покойны; Извините*.

Распространено этикетное дублирование согласия: *Да-да; Как же, как же; Вот-вот; Конечно-конечно; Правда-правда*. Например: [Яровой:] Я усиливаю патруль и караул. — [Малинин:] Да-да. Пожалуйста (д. IV). Правда, этикетность речи «господ» избирательна. Она выдерживается лишь в общении с людьми своего круга, а в отношении с нижестоящими (людьми из народа) сменяется откровенной грубостью. Положительно характеризуется своей выдержанной этикетностью лишь профессор Горностаев, имеющий и положительно оцениваемую социально-политическую ориентацию.

Противопоставление речи «господ» и «народа» в формах с **использованием свободных высказываний** еще более усилено, чем в формах первого и второго способов. Только в речи «господ» отмечены формулы: *Как видишь; Как вы смеете? Это не мерка; В этом роде что-то; Да с какой стати? Я тоже это чувствую; Впрочем, так и должно быть; Могу вас уверить, что...* В народной же речи даны: *Пуццай посмеют; Нашел время; Это — раз плюнуть; Этому я несвычный* и др. Ср.: оценочно-модальные выражения (косвенное выражение СН мотивировкой) в речи господ:

Это бы дало эффект; Вот это и не следует делать; Какая бестактность; Эта просьба невыполнима; Это ты хорошо придумала; Но до чего обнаглели; Да вот неблагодарность человеческая; Извините за недоразумение. У «народа» — стилистически сниженные обороты: *Бреешь; Врешь; Тьфу, вредная старушка; А, контра, еще и выражается; И, едят тебя мухи!* Ср., с одной стороны, этикетно-смягченные формы отказа в речи «господ»: *Я думаю, вы ошибаетесь; Позвольте, это уже слишком,* с другой стороны, «народные»: *Это, конечно, спасибо, но...; Каяться-то не вещь, да кабы...*

Иные формы **третьего способа** наглядно противопоставлены в господской и народной речи как лексико-стилистические варианты. (Для иллюстрации используем только ответные реплики диалогов.) **«Согласие»:** Это и видно! [Панова] — Да уж видать [Кошкин]; Вот и я говорю [Горностаев] — Вот об этом и разговор [Рабочий]. **«Несогласие»:** а) **Сомнительность, маловероятность:** Ну, это еще не наверное [Горностаев] — Ну, это еще мы поглядим, кто тут волк, кто охотник [Кошкин]; б) **Отрицательная субъективная оценка личности, ее поступков:** Да вы с ума сошли [Панова] — Ты что, сказала, ай як! [Швандя]; в) **Требование прекращения (действия, разговора), запрет речи:** Бросьте опасную игру! [Кутов] — Это уж вы бросьте! [Швандя]; Профессор, замолчите [Яровой] — Да чего ты язык распустил? [Семен]; Вы все шутить изволите [Кутов] — Брось, Рома, шутковать [Грозной]; г) **Отклонение поучения:** Раз и навсегда советую вам ваши мнения оставить при себе [Малинин] — Это ты нам не указуй! [Грозной]; д) **Прием «отсылки»:** Идите своей дорогой [Яровой] — Да пошла ты [Грозной]; е) **указание на чрезмерность:** Профессор, позвольте, это уж слишком [Елисагов] — Ну, это ты хватил [Кошкин]. Один и тот же прием семантически косвенной передачи согласия-несогласия выполняется персонажами разных идейно-художественных группировок каждый раз со специфическим варьированием. Настойчивость писателя в осуществлении стилистико-речевой дифференциации указывает на наличие специальной установки создать стилистический контраст.

Анализ распределения форм СН по социально-стилистическому признаку убеждает в том, что противопоставление по формам речи «господа» (образованные) — «народ» действительно является в пьесе наиболее последовательным и глубоким. Кроме этих двух основных социальных групп, выделяется несколько дополнительных подгрупп: «революционная интеллигенция», «городские мещане», «церковники».

При всех речевых социально-стилистических различиях ведущим признаком языка остается его национальная общность. В речи образованных «господ» и персонажей из народа определенная часть форм СН совпадает. Общими являются такие формы второго способа, как: *да, нет, хорошо, пожалуйста, ладно, (ну) что ж,* т. е. нейтральные общеязыковые средства. Совпадают и некоторые формы первого способа. Встречается эмоциональный повтор-переспрос с отрицательной эмоциональной окраской (как знак несогласия), такой же переспрос с вопросительным местоимением (*какой, как*): [Офицер:] Кто же будет воевать? — [Яровой:] Верные сыны отечества с новой помощью союзников. — [Офицер:] Сыны? Отечества? Нет, я уже кушал (д. V). [Горностаев:] Я говорю: у вас, мой друг, глаза испуганные. — [Грозной:] У меня? Испуганные? Ну, я тебя зараз пугну! (д. I). [Горностаев:] Товарищ комиссар просвещения, вы неграмотны... — [Кошкин:] Как неграмотный, когда я сам написал? (д. I). [Яровой:] Успеет... — [Малинин:] Как успеет? Говорят, какая-то большевичка уже вплотную к солдатам подошла. Агитирует (д. V). Ср. эмоционально-грубое выражение переносного несогласия семантическим приемом «квалификации на собеседника»: [Хрущ:] Надо взрывать малые мосты. — [Вихорь:] Эх! Сам ты малый! Взрывать надо, только не малые (д. I). [Пикалов:] Теперь куда же его? К стенке — что ль? — [Швандя:] Сам ты стенка несознательная! (д. V).

Итак, в пьесе К. А. Тренева с помощью форм СН достаточно отчетли-

во характеризуется речь представителей разных социальных групп, создаются образно-художественные характеристики. Ведущим является художественно-социальный принцип оппозиции персонажей, по отношению к которому собственно языковые стилистические различия оказываются подчиненными, обслуживающими. Это проявляется в напряженности стилистических различий, в явлении стилистических контрастов, переключений и смещений в речевом «спектре» персонажей.

¹ Диев В. Творчество К. А. Тренева.— М., 1960, с. 159.

² Примеры даны по изданию: К. Тренев. Любовь Яровая.— В кн.: Пьесы советских писателей. М., 1953, т. 1.

³ См.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность.— Л., 1974, с. 29—30.

⁴ См.: Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-ми томах.— М., 1963, т. 1, с. 357—358.

С. А. РУТКЕВИЧ

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО КАЛЬКИРОВАНИЯ

Двуязычие как важнейший признак многих современных наций, широкие и интенсивные языковые контакты как следствие взаимодействия мировых культур обуславливают появление в языках-рецепторах все новых и новых калек. Прежде чем решать многие сложные вопросы, встающие при изучении калек, необходимо четко определить сам процесс калькирования и понятие кальки. В лингвистической литературе до сих пор можно встретить определения, совершенно неправомерно акцентирующие внимание на структурном соответствии кальки ее объекту.

«...Наряду с насыщением языка заимствованными словами в той звуковой форме, которая свойственна этим словам в языке, из которого происходит заимствование, происходит также заимствование понятий, передаваемых средствами данного языка (дословные переводы слов). Такие дословные переводы чужих слов называются кальками»¹.

«Калькирование (англ. *modelling words and constructions after foreign patterns*)—образование новых слов или введение в язык новых способов синтаксического построения путем заимствования лексико-семантических и лексико-синтаксических моделей другого языка или языков и заполнения их морфемами, синтаксическими единицами данного языка»².

Как видим, данные определения не совсем четко отграничивают кальки от заимствования, от перевода. Первым, пожалуй, обратил внимание на все существенные погрешности в дефинициях и рассмотрении кальки и калькирования Л. П. Ефремов в работе о лексическом калькировании³. Главные выводы этого обширного труда, указывающие на конституциональные признаки калькирования как одного из следствий языковых контактов, формулируемые далее в сжатом виде, являются отправными точками при построении того определения лексического и семантического калькирования, которое, на наш взгляд, будет наиболее всеобъемлющим и наиболее точно отмечающим функциональную сущность явления.

Словообразовательная мотивированность является непременным условием словообразовательного калькирования, так как именно благодаря своей мотивированности слова могут стать объектами калькирования. Точно так же словопереосмыслительная мотивированность является непременным условием словопереосмыслительного (семантического) калькирования. Словообразование, как и словопереосмысление,— мотивирующий способ создания слов. Мотивированность, за редчайшими исключениями, является обязательным условием номинации, что имеет самое очевидное отношение к удовлетворению языком требований коммуникации. Вот почему язык предпочитает кальку заимствованию, когда это представляется возможным.